

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ВЛАСТИ

В.Г. Ледяев

Высшая школа экономики

Аннотация: В статье показывается, что в эмпирических исследованиях власти в городских сообществах преобладает веберовская традиция объяснения власти («власть над», «нулевая сумма», конфликт и т.д.). При этом спектр вариативности интерпретаций в рамках традиции остается широким и зависит от способа разрешения ряда концептуальных проблем, отражавших теоретико-методологические приоритеты основных школ (парадигм) в изучении власти – элитистской, плюралистической и марксистской.

Ключевые слова: власть, концептуальный анализ, концепции власти, эмпирические исследования власти, городские режимы.

В любом эмпирическом исследовании его предмет и проблематика находятся в непосредственной зависимости от того, как интерпретируются и используются базовые понятия. Центральное место здесь, разумеется, занимает понятие власти, которое и определяет совокупность элементов социальной реальности, находящихся в фокусе исследовательского интереса. Кроме «власти», для уточнения проблемного поля и адекватного объяснения специфики и особенностей властных отношений необходима рефлексия и ряда других понятий, которые либо близки по своему содержанию к понятию власти (влияние, авторитет, социальный контроль, господство, лидерство и т.д.)¹, либо выражают важные состояния, формы проявления, характеристики и/или параметры власти (принуждение, манипуляция, не-решения, позитивные санкции, правление предвиденных реакций и др.).

Как и любой важный феномен человеческой жизни, власть всегда была объектом внимания социальных исследователей. Однако первые попытки концептуализации власти появляются только в Новое время (Т. Гоббс), а настоящий бум в концептуальных дискуссиях о власти начинается с середины XX в. вместе с началом систематических эмпирических исследований власти. В этот период появляется множество различных конкурирующих между

¹Их (в общем плане) обычно называют квазисинонимами, а применительно к «власти» – «властными терминами» (Р. Даль).

собой интерпретаций «власти», а само понятие многие исследователи отнесли к числу «сущностно оспариваемых понятий» (essentially con-tested concepts)².

Несмотря на имеющиеся различия между подходами, их обычно относят к двум основным традициям. Первая традиция, обозначаемая как «секционная (групповая) концепция власти» (Дж. Скотт), «традиция реализма» (Р. Даль) или «парадигма социального контроля» (К. Стоун) и идущая от Т. Гоббса и М. Вебера, представлена в работах Х. Лассуэлла и Э. Кэплэна, Р. Даля, Д. Картрайта, С. Лукса, Д. Ронга и других авторов. Власть рассматривается как асимметричное отношение, включающее актуальный или потенциальный конфликт между индивидами. Она возникает в тех социальных взаимодействиях, где один из субъектов обладает способностью воздействовать на другого, преодолевая его сопротивление. Власть концептуализируется как власть *над кем-то*, как «отношение нулевой суммы», в котором возрастание власти одних индивидов и групп означает уменьшение власти других индивидов и групп.

Вторая традиция – «несекционная концепция власти» – отвергает идею «нулевой суммы», допуская, что власть может осуществляться к всеобщей выгоде. В данной традиции она рассматривается как коллективный ресурс, как способность достичь какого-то общественного блага; подчеркивается легитимный характер власти, ее принадлежность не отдельным индивидам или группам, а коллективам людей или обществу в целом. Современными представителями этой традиции, корни которой восходят к Платону и Аристотелю, являются Т. Парсонс, Х. Арендт и, в какой-то мере, М. Фуко. Разумеется, не все подходы вписываются в эти рамки; многие авторы стремятся отойти от традиционных воззрений, заимствуя идеи у «противоположной стороны». При этом спектр различий в каждой из двух традиций также достаточно широк³.

Следует отметить, что *не все концепции власти использовались в эмпирических исследованиях в городских сообществах*. Многие так и остались теоретическими конструктами или их применение ограничивалось общими рассуждениями и спекулятивными оценками тех или иных ситуаций⁴. Поэтому мы остановимся только на тех подходах и концептуальных дискуссиях, которые имели непосредственное отношение к исследованию городской политики⁵. При этом мы учитываем, что в исследовательской практике нередки случаи *расхождения между описываемой автором теоретической концепцией власти и ее реальным использова-*

²Ледяев, В.Г. О сущностной оспариваемости политических понятий / В.Г. Ледяев. – Полис. – 2003. – № 2. – С. 86-95.

³Lukes, S. Introduction /Power /S. Lukes; ed. by S. Lukes. – Oxford: Blackwell – 1986. – P. 1-18; Clegg, S. Frameworks of Power/ S. Clegg. – L. – Sage Publications. – 1989; Hindess, B. Discourses of Power: From Hobbes to Foucault/ B. Hindess. – Oxford: Blackwell. – 1996; Scott, J. Power/ J. Scott. – Cambridge: Polity. – 2001; Ледяев, В.Г. Власть: концептуальный анализ/ В.Г. Ледяев. – М.: РОССПЭН. – 2001. – С. 25-58; Haugaard, M. Introduction / Power: A Reader / M. Haugaard; ed. by M. Haugaard. – Manchester: Manchester University Press. – 2002. – P. 1-4.

⁴Аналитиками уже отмечалось, что некоторые концепции власти в принципе вряд ли могут быть использованы в эмпирических исследованиях (Dowding, K., Dunleavy, P., King, D., Margetts, H. Rational Choice and Community Power Structures / K. Dowding, P. Dunleavy, D. King, H. Margetts//Political Studies. – 1995. – Vol. 43. – № 2. – P. 265.). Отчасти это связано с тем, что теоретический анализ власти, как отмечает А. Хардинг, «осуществлялся теми политическими и социальными теоретиками, которые не имели специального академического интереса к изучению города и предпочитали общие концептуальные аргументы эмпирическому тестированию пропозиций» (Harding, A. The history of community power /Theories of Urban Politics. 2nd ed. / A. Harding; ed. by J.S. Davies, D.L. Imbroscio. – L.: Sage. – 2009. – P. 31). В данном случае Хардинг ссылается на труды С. Лукса и М. Фуко.

⁵Для нашего анализа эта оговорка представляется естественной. Однако и другие аналитики нередко предпочитают ссылаться на те концепции власти, которые действительно использовались в эмпирических исследованиях. Например, Дж. Дебнем в качестве основания для своего концептуального анализа власти выбрал шесть определений, среди которых пять были даны исследователями-эмпириками в теоретической части их исследовательских проектов. В частности, он выбрал дефиниции Ф. Хантера, Р. Даля, Р. Престуса, Р. Эггера, Д. Голдриха и Б. Свенсона, П. Бахраха и М. Бараца и С. Лукса (Debnam, G. The Analysis of Power: A Realist Approach/ G. Debnam. – L.: Macmillan. – 1984. – P. 3-6).

нием. Указывая на эту проблему, Даль отмечал, что «разрыв между концепцией и операциональным определением [может быть] в целом очень большим, настолько большим, что не всегда можно увидеть связь между операциями и абстрактным определением»⁶. Данная ситуация усложняется и тем обстоятельством, что в конечном счете, как мы увидим далее, *основные параметры концепта задаются избранным методом определения субъектов власти*.

Другая проблема концептуального характера, на которую неоднократно указывали исследователи власти в городских сообществах, состоит в том, что не всегда используемые концепции власти были качественно прописаны: «неспособность обстоятельно определить или адекватно представить [власть] считается фундаментальным недостатком в современном изучении власти в сообществах». В значительной мере это стало результатом «невнимательного разграничения нескольких тесно связанных понятий. Власть, влияние, контроль, авторитет и лидерство часто используются как взаимозаменяемые»⁷.

Еще одно уточнение, которые необходимо сделать с самого начала, состоит в том, что предметом анализа являются именно *концепции власти*. Необходимость данного уточнения обусловлена тем обстоятельством, что на протяжении длительного времени в американской (и не только) политической науке предметом исследования была *не собственно власть, а государственное управление (government)*; при этом, как правило, анализировались только отношения, опирающиеся на легальные (правовые) основания. Тем самым, подчеркивают П. Тронстайн и Т. Кристенсен, «традиционная политическая наука была склонна фокусироваться на *авторитете* (курсив оригинала – В.Л.), а не других более тонких проявлениях власти»⁸. Однако впоследствии, особенно под влиянием исследовательских практик, заимствованных из социологии, именно власть в городском сообществе, ее распределение между различными акторами оказалась в центре внимания исследователей⁹.

Переходя непосредственно к анализу концепций власти, используемых в эмпирических исследованиях городской политики следует, прежде всего, констатировать, что среди них *явно превалирует основная традиция в объяснении власти*: в большинстве исследований власть рассматривается как власть *над* кем-то: субъект способен реализовать свою волю в отношениях с объектом несмотря на (возможное) сопротивление. При всех различиях концептуальных схем, используемых в классических дебатах между элитистами и плюралистами, они, так или иначе, опирались на известное веберовское определение власти как шанса «осуществить свою волю в рамках некоторого социального отношения даже вопреки сопротивлению, на чем бы такой шанс не был основан»¹⁰. В современных теориях городских режимов концепция власти существенно видоизменилась, однако, как уже отмечалось ранее, усилившийся интерес к «власти для» не снял вопрос о том, кто преобладает в городской политике, а лишь расширил ракурс и проблемную сферу исследования.

⁶Dahl, R. Power / International Encyclopedia of the Social Sciences / R. Dahl; ed. by D.L. Sills. Vol. 12. – N.Y.: Macmillan and The Free Press. – 1968 – P. 414.

⁷Friedrickson, H.G. Power, Public Opinion, and Policy in a Metropolitan Community: A Case Study/ H.G. Friedrickson. – N.Y.: Praeger. – 1973. – P. 10.

⁸Trounstine, P.J., Christensen, T. Movers and Shakers. The Study of Community Power/ P.J. Trounstine, T. Christensen. – N.Y.: St. Martin's Press. – 1982. – P. 21.

⁹Небезынтересно отметить, в современной отечественной науке до сих пор преобладает литература с явным акцентом на правовых и формально-политических аспектах изучения власти (местного самоуправления), а выводы, которые следуют из анализа правовых документов и институционального устройства местной власти подчас оказываются совершенно оторванными от реальности.

¹⁰См.: Вебер, М. Основные социологические понятия («Хозяйство и общество», гл. 1) [1921] // Теоретическая социология. Антология / М. Вебер; ред. С.П. Баньковская. В 2-х ч. – М.: Университет, 2002. – Ч. 1. – С. 137. Например, У. Домхофф без всякого сомнения полагает, что для изучения власти в городских сообществах наиболее продуктивно использовать концепцию власти, сформировавшуюся в рамках основной (веберовской) традиции (Domhoff, G.W. Who Really Rules? New Haven and Community Power Reexamined/ G.W. Domhoff. – New Brunswick (NJ): Transaction Books. – 1978. – P. 127).

В рамках данного общего подхода, в свою очередь, выделяется несколько довольно разных способов концептуализации власти. На наш взгляд, существенные различия между концепциями власти, используемыми в эмпирических исследованиях городской политики, обусловлены несколькими базовыми понятийными проблемами и соответствующими дисфункциями, имеющими место в концептуальном анализе власти. В их числе (1) проблема актуального и потенциального, (2) структура и действие, (3) намерения, интересы и власть.

Проблема актуального и потенциального. Что есть власть: потенциал, его осуществление, или и то, и другое? Атрибут, отношение или действие? В зависимости от ответа на эти вопросы исследователи разделились на сторонников «диспозиционной» и «эпизодической» концепций власти¹¹. Не вдаваясь в детали концептуальных дискуссий и специфику используемой аргументации¹², отметим, что в изучении городской политики в 1950-1970-е годы наблюдалась довольно интенсивная полемика между исследователями, рассматривавшими *власть как потенциал*, способность субъекта реализовать свои возможности в тех или иных ситуациях, и теми, кто определял *власть как действие*, практическое воплощение данного потенциала. При этом линия концептуального размежевания фактически совпала с междисциплинарными границами, отразив противостояние между основными теоретико-методологическими ориентациями. Острый концептуальный спор разгорелся между политологами (в основном) плюралистической ориентации, предпочитавшими изучать власть как *влияние* на процесс принятия решений и социологами (в основном) элитистской ориентации, рассматривавших власть как *способность* тех или иных групп навязать свою волю. Различалось и терминологическое оформление концепций: в некоторых исследованиях (например, у Даля) «власть» и «влияние» фактически использовались как синонимы. Другие предпочитали четко различать данные термины. В частности, у Т. Кларка «власть» представляет собой «потенциальную способность вызывать изменения в системе», тогда как «влияние» – это «осуществление власти»; оно проявляется в конкретных *решениях*, представляющих собой выбор среди альтернативных целей. Соответственно, изучение власти предполагает прежде всего анализ *ресурсов* и сравнительных *возможностей* акторов воздействовать на ситуацию в социальной системе, тогда как изучение влияния концентрируется вокруг *действий* акторов и их *последствий*¹³.

Концептуальные предпочтения предопределили выбор предмета исследования и метод выявления субъектов власти. Политологи изучали «структуру принятия решений», представляющую собой «устойчивое (patterned) распределение влияния в социальной системе», используя решенческий метод, а в центре внимания социологов была «структура власти» – «устойчивое распределение власти в социальной системе», для выявления которой применя-

¹¹Термины «диспозиционный» и «эпизодический» для обозначения двух разных подходов к решению проблемы актуального и потенциального использовал Д. Понг (Wrong, D.H. Power. It's Forms, Bases, and Uses. With a new introduction by the author. 3rd ed./ D.H. Wrong. – New Brunswick and L.: Transaction Publishers. – 2002. – P. 6).

¹²Данная проблема уже была рассмотрена нами ранее (Ледяев, В.Г. Власть: концептуальный анализ/ В.Г. Ледяев. – М.: РОССПЭН. – 2001. – с. 122-132).

¹³Clark, T.N. The concept of power / Community Structure and Decision-making: Comparative Analyses / T.N. Clark; ed. by T.N. Clark. – San Francisco: Chandler. – 1968. – P. 46-47; Mott, P.E. Power, authority, and influence /The Structure of Power/ P.E. Mott; ed. by M. Aiken, P.E. Mott. – N.Y.: Random House. – 1970. – P. 3-16. Существуют и другие подходы к объяснению соотношения «власти» и «влияния». Например, они различаются в зависимости от наличия/отсутствия возможностей использования угроз и негативных санкций: власть всегда предполагает (подразумевает) угрозы и санкции со стороны субъекта, тогда как влияние может осуществляться и с помощью иных способов воздействия на объект, например, убеждения (Ross, B.H., Levine, M.A. Urban Politics. Power in Metropolitan America. 5th ed./B.H. Ross, M.A. Levine. – Itasca (Illinois): F.E. Peacock Publishers. – 1996. – P. 9-10; Bierstedt, R. An analysis of social power/ R. Bierstedt // American Sociological Review. – 1950. – Vol. 16. – № 6. – P. 730-738).

лись репутационный и позиционный методы, фиксирующие имеющийся у субъектов потенциал влияния (власть)¹⁴.

Структура и действие. Кому принадлежит власть – индивидам (группам) или структурам (системам)? Насколько вообще можно говорить о власти акторов, если ресурсы власти и условия ее осуществления зависят от общего контекста и специфики ситуации? Следует ли рассматривать структурное влияние как нечто противоположное власти? Ответы на эти и другие вопросы во многом определяют теоретико-методологические основания исследования и остаются в числе дискуссионных проблем в концептуальном анализе власти¹⁵.

Как и в проблеме актуального и потенциального, исследователи разделились на две большие группы. Одна группа исследователей определяет власть как *свойство субъектов и отношений между ними*; власть возникает в процессе взаимодействия субъекта и объекта, отражая способность субъекта оказать определенное влияние на объект. Другие рассматривают власть как *принадлежность структур и институтов*; субъекты и объекты власти при таком подходе выступают, прежде всего, в качестве носителей структурных ролей. Линии концептуального размежевания в обеих проблемах в значительной степени совпадают: плюралисты (политологи) более склонны связывать власть с акторами (действиями), тогда как социологи (элитисты) – со структурами; при этом на разных этапах развития эмпирических исследований власти в городских сообществах выбор концептуальных приоритетов несколько менялся.

В исследованиях 1950-1960-х годов, проводимых как в русле плюралистической, так и элитистской традиций, явно преобладал первый подход; как следствие, *структурный фактор был недооценен*. Для плюралистов акцент на действиях отдельных акторов полностью соответствовал их общим теоретико-методологическим ориентациям. Власть рассматривалась ими как отношение между двумя акторами, в котором один в состоянии изменить деятельность, сознание или установки другого. Она не заключена в позициях; последние лишь свидетельствуют о возможности акторов обладать соответствующими ресурсами. Тем самым в концепциях плюралистов структурный момент учитывался в основном опосредованно – в контексте анализа конфигураций ресурсов индивидов, групп и организаций, которые и выступали в качестве субъектов власти. Под влиянием критики со стороны оппонентов из элитистского и марксистского лагерей плюрализм (неоплюрализм) постепенно признал роль структурных факторов и обусловленное ими привилегированное положение бизнеса по сравнению с любыми другими социальными группами, его «структурную» и «инструментальную» власть¹⁶. Тем не менее, локус власти по-прежнему оставался за пределами социальных структур, которые хотя и задавали общий контекст деятельности акторов городской политики, оставляли им возможность действовать в соответствии со своими предпочтениями и потому быть ответственными за результаты и последствия осуществления власти. В соответствии с этим власть концептуально отделялась от структурного влияния (контроля), который имеет место в тех случаях, когда актер не в состоянии изменить основные параметры ситуации и его, поэтому, нельзя рассматривать в качестве субъекта власти¹⁷.

¹⁴См.: Clark, T.N. The concept of power... P. 47. Подробнее об этом см.: Ледяев, В.Г. Классические методики определения субъектов политической власти: западный опыт / Политическая наука в современной России: время поиска и контуры эволюции / В.Г. Ледяев; отв. ред. А.И. Соловьев. Ежегодник РАПН. М.: РОССПЭН. – 2004. – С. 33-55.

¹⁵Ледяев, В.Г. Власть: концептуальный анализ/ В.Г. Ледяев. – М.: РОССПЭН. – 2001. – С. 237-264.

¹⁶Hicks, A., Lechner, F.J. Neopluralism and neofunctionalism in political sociology / The Handbook of Political Sociology. States, Civil Societies, and Globalisation / A. Hicks, F.J. Lechner; ed. by T. Janoski, R.R. Alford, A.M. Hicks, M.A. Schwartz. – Cambridge: Cambridge University Press. – 2005. – P. 54-71; Lowery, D., Gray, V. A neopluralist perspective on research on organized interests/ D. Lowery, V. Gray // Political Research Quarterly. – 2004. – Vol. 57. – № 1. – P. 163-175.

¹⁷Другое различие между властью и структурным влиянием проявляется в том, что субъект может и не осуществлять свою власть, тогда как структурное влияние происходит стихийно, автоматически, в какой-то

В классических исследованиях власти, проведенных представителями элитистской традиции, власть также преимущественно рассматривалась как деятельностный феномен. Например, Хантер хотя и указывал на социальную природу власти («богатство, социальный статус и престиж обеспечивают постоянство власти»), специально подчеркивал, что власть как таковая заключена в людях и их взаимоотношениях¹⁸. Однако в целом элитисты (социологи) уделяли большее (по сравнению с плюралистами) внимание социальному окружению и структурным факторам, определявшим характер и специфику властных отношений. «Стратификационная теория власти» исходила из того, что конфигурация властных отношений определяется базовыми характеристиками социальной структуры, разделением на определенные классы и группы в иерархическом порядке. Тем самым властные отношения хотя и рассматривались сквозь призму взаимодействия акторов, в значительной степени объяснялись как производные социально-экономической системы, во многом предопределявшей концентрацию власти в руках узких групп людей. Тот же Хантер предпочитал говорить о «структуре власти», делая акцент на том, что власть представляет собой «относительно постоянный фактор в социальных отношениях»¹⁹.

В более поздних версиях элитизма власть все чаще определяется как сложный процесс, имеющий не только поведенческие, но и структурные (системные) формы существования. Например, Домхофф рассматривает социальную власть как господство одной группы или класса над другими, которое может проявляться в извлечении ими наибольших выгод из функционирования социальной системы²⁰. Аналогичного взгляда придерживается и У. Митчелл, предлагающий определять власть не только в процессе принятия решений, но и через оценку совокупности благ, получаемых от системы: «те, кто обладают наибольшим количеством товаров, услуг и возможностей – это те, кто обладают наибольшей властью»²¹. Идея включения выгоды как (самодостаточного) индикатора власти отражает стремление исследователей не ограничивать власть ситуационным уровнем – «победами» и «поражениями» на арене принятия решений, а обратить внимание на ее структурные проявления. В частности, широкое признание получила трехуровневая концепция власти, предложенная Р. Элфордом и Р. Фридлендом, в которой констатируется, что «власть находится в руках тех, кто регулярно получает выгоду от функционирования социальной, экономической и политической структур»²². Опираясь на нее, Домхофф предлагает считать в качестве равноправных три индикатора власти: (1) кто получает выгоду от функционирования социальной системы, (2) кто управляет важнейшими институтами и (3) кто побеждает при принятии важнейших решений²³. Домхофф признает, что каждый из индикаторов заключает в себе «предпочтения» (bias) и может указывать на разные группы людей, претендующих на статус влиятельных. Поэтому задачу исследователя он видит в том, чтобы продемонстрировать, что выигрывают,

мере наподобие процессов, имеющих место за пределами социальной сферы.

¹⁸Hunter, F. Community Power Structure. A Study of Decision-makers/ F. Hunter. – Chapel Hill: University of North Carolina Press. – 1953. – P. 6.

¹⁹Ibide. Домхофф считает, что именно структура власти является основным предметом исследования: Domhoff, G.W. Who Really Rules? New Haven and Community Power Reexamined/ G.W. Domhoff. – New Brunswick (NJ): Transaction Books. – 1978. – P. 127.

²⁰Ibide.

²¹Mitchell, W.C. The shape of political theory to come: from political sociology to political economy /Politics and the Social Sciences /W.C. Mitchell; ed. by S.M. Lipset. – Oxford: Oxford University Press, 1969. – P. 114.

²²Alford, R.R., Friedland, R. Political participation and public policy/ R.R. Alford, R. Friedland // Annual Review of Sociology. – 1975. – Vol. 1. – P. 431.

²³Позднее Домхофф добавит четвертый индикатор власти – «репутацию власти» (reputation for power) и несколько переформулирует первые три: 1) кто получает выгоду (Who benefits?)? 2) кто правит? (Who governs?), 3) кто побеждает? (Who wins?), 4) кто заметен (Who Shines?). См.: Domhoff, G.W. Who Rules America? Power and Politics in the Year 2000/ G.W. Domhoff. – L.: Mayfield Publishing Company. – 1998. – P. 19-22. Последний индикатор им обозначается и как «репутация власти» (reputation for power).

управляют и побеждают представители одной и той же группы или класса, или же дать социологическое и историческое объяснение расхождению, которые могут возникнуть между тремя уровнями или индикаторами власти²⁴.

В других современных версиях элитизма власть также все чаще рассматривается как структурный феномен. Например, Т. Дай считает, что власть является «атрибутом не индивидов, а социальных институтов»; она заложена в институциональных ролях, носители которых приобретают контроль над важными ресурсами. Поэтому изучение власти должно фокусироваться на важнейших позициях, которые определяют потенциал занимающих их акторов²⁵. Хотя он и подчеркивает, что властные отношения в городских общностях не являются «миниатюрными версиями» национальной структуры власти в силу естественной ограниченности городской политики, тем не менее, он рассматривает городские сообщества как социальные образования, связанные с определенным пространством. Важнейшим институтом, контролируемым местными элитами является земельная собственность; поэтому структура власти в городе выстраивается вокруг институтов и акторов, деятельность которых ориентирована на интенсификацию использования городской недвижимости, а обладание соответствующими позициями практически обуславливает доминирование их носителей в городской политике²⁶. В целом в концепциях власти, используемых сторонниками теории «машин роста» (на которую в своих рассуждениях опирается Дай), структурному фактору отводится весьма существенная роль, наглядно проявляющаяся в признании приоритета экономического роста над иными стратегиями городской политики, который, в свою очередь, предопределяет повестку дня и конфигурацию основных акторов.

Если развитие элитизма и плюрализма – мейнстрим подходов к изучению власти – сопровождалось общим повышением внимания к роли структурных факторов, то вектор марксистских исследований изменялся в обратном направлении. Для марксистов связь городской политики с классовыми отношениями и ее зависимость от функционирования центральных экономических, политических и идеологических институтов капиталистического общества с самого начала была очевидной. Городские политические институты рассматривались в качестве элемента государственной структуры, выполнявшей функции воспроизводства капиталистических отношений и поддержание существующего порядка. Структурный контекст определяет доминирование собственников в решении важнейших вопросов городской жизни; при этом роль главного инструмента реализации интересов имущих классов принадлежит центральным структурам государства, в которых и заложен основной властный потенциал. И хотя современные марксистские подходы к изучению власти становятся более гибки-

²⁴См.: Domhoff, G.W. Who Really Rules? New Haven and Community Power Reexamined/ G.W. Domhoff. – New Brunswick (NJ): Transaction Books. – 1978. – P. 129-130. В качестве примера Домхофф ссылается на свое исследование в Нью-Хэйвене, в котором он показал, что высший класс имел выгоды (первый индикатор) и побеждал (третий индикатор), не обладая ключевыми позициями в публичных структурах (второй индикатор). Подробнее об этом см.: Ледяев, В.Г. Кто правит? Дискуссия вокруг концепции власти Роберта Даля/ В.Г. Ледяев // Социологический журнал. – 2002. – № 3. – С. 31-68.

²⁵См.: Dye, T.R. Community power and public policy / Community Power: Directions for Future Research /T.R. Dye; ed. by R.J. Wast. – Beverly Hills: Sage Publications. – 1986. – P. 30.

²⁶Ibid. P. 30-32.

ми²⁷, а их аппликации в исследованиях городской политики – более разнообразными²⁸, структурный фактор продолжает рассматриваться в качестве важнейшего основания власти.

Приоритет структурному фактору сохраняется и в исследованиях городской политики, выполненных в общем русле теории публичного выбора²⁹. В частности, в концепции П. Питерсона городская политика рассматривается как исходно ограниченная внешними экономическими факторами, которые существенно сужают политическое пространство города и спектр альтернатив, имеющихся в распоряжении ключевых акторов городской политики. Структурный фактор определяет главный коллективный интерес любого города – экономический рост, соответствующую повестку дня и конфигурацию политических приоритетов, которым, по сути, невозможно реально противостоять.

В целом же в изучении городской политики все большую популярность приобретают подходы, в которых реализуется ориентация на синтез структурных и деятельностных факторов в объяснении власти. Например, Дж. Молленкопф подчеркивает, что учет структурного фактора не должен сводить городскую политику к функции, производной от внешнего и прежде всего экономического фактора. Но при этом не менее важно избежать «возврата к волюнтаристскому плюрализму». Для этого он предлагает учитывать три взаимосвязанных уровня отношений: «(1) как взаимоотношения институтов местной власти с социальными и экономическими условиями определяют их деятельностный потенциал, (2) как «правила игры» в местной политике формируют конкуренцию между группами интересов и акторами и создают возможности образования доминирующей политической коалиции, способной реализовать этот потенциал, (3) как экономические и социальные изменения и организация политической конкуренции обуславливают мобилизацию этих групп интересов»³⁰.

Наиболее очевидным примером успешного баланса структурных и деятельностных факторов является теория городских режимов. Теория оставляет большой простор для свободной игры политических сил, взаимодействие между которыми и определяет характер и специфику властных отношений в городском сообществе³¹. Многие аналитики видят в этом позитивный момент, подчеркивая «прирожденную привлекательность» методологического индивидуализма, в рамках которого объяснение социальных явлений, в конечном счете, основывается на анализе деятельности людей³². При этом концепция, по всеобщему признанию, стала реалистичнее классических плюралистических штудий – во многом за счет более сбалансированного объяснения роли структурных и деятельностных факторов во властном отношении.

²⁷См.: Taylor, G. *Marxism / Theory and Methods in Political Science* / G. Taylor; ed. by D. Marsh, G. Stoker. – L.: Palgrave Macmillan. – 1995. P. 248-267; Marsh, D. *The convergence between theories of the state / Theory and Methods in Political Science* / D. Marsh; ed. by D. Marsh, G. Stoker. – L.: Palgrave Macmillan. – 1995. – P. 268-287; Van den Berg, A., Janoski, T. *Conflict Theories in political sociology / The Handbook of Political Sociology. States, Civil Societies, and Globalisation* / A. Van den Berg, T. Janoski; ed. by T. Janoski, R.R. Alford, A.M. Hicks, M.A. Schwartz. – Cambridge: Cambridge University Press. – 2005. – P. 72-95.

²⁸Geddes, M. *Marxism and urban politics / Theories of Urban Politics. 2nd ed.* / M. Geddes; ed. by J.S. Davies, D.L. Imbroscio. – L.: Sage. – 2009. – P. 55-72; Kataoka, S. 'Posty' urban political theory / *Theories of Urban Politics. 2nd ed.* / S. Kataoka; ed. by J.S. Davies, D.L. Imbroscio. – L.: Sage. – 2009. – P. 73-88.

²⁹См.: Forrester, J. *Urban Dynamics* / J. Forrester. – Cambridge (Mass.): MIT Press. – 1969; Peterson, P.E. *City Limits* / P.E. Peterson. – Chicago; L.: The University of Chicago Press. – 1981.

³⁰Mollenkopf, J.H. *How to study urban political power / The Urban Politics Reader* / J.H. Mollenkopf; ed. by E.A. Strom and J.H. Mollenkopf. – L.: Routledge, 2007. – P. 106.

³¹Основатель теории городских политических режимов К. Стоун считает, что «социальные структуры не являются такими прочными и застывшими, как их часто представляют социальные исследователи... Действие возникает не просто в границах, обозначенных структурами, но часто направлено на сами структуры, поэтому процесс изменения структуры происходит постоянно» (Stone C.N. *Regime Politics: Governing Atlanta, 1946-1988* / C.N. Stone. – Lawrence: University Press of Kansas. – 1989. – P. 10).

³²Harding, A. *The history of community power / Theories of Urban Politics. 2nd ed.* / A. Harding; ed. by J.S. Davies, D.L. Imbroscio. – L.: Sage. – 2009. – P. 37.

Намерения, интересы и власть. Является ли власть интенциональной, и если да, то в каком смысле? Всегда ли власть осуществляется против интересов объекта, и если да, то о каких интересах идет речь – только осознанных предпочтениях или и об «объективных» (но не всегда осознаваемых) интересах? Ответы на эти вопросы, остающиеся в числе наиболее дискуссионных в концептуальном анализе власти³³, во многом определяют понятийные основания исследования власти в городских сообществах.

Вплоть до конца 1960-х годов исследователи обычно рассматривали власть как отношение, предполагающее *открытый конфликт* между субъектом и объектом, в ходе которого субъект обладает возможностью *реализовать свои намерения, несмотря на (возможное) сопротивление*³⁴. Эта концепция, впоследствии получила название «одномерной» (С. Лукс); фактически ее придерживались и представители плюралистической школы, и элитисты (социологи). Первые более акцентировали внимание на процессе принятия политических решений, где стороны боролись «за» или «против» тех или иных проектов; столкновение намерений (предпочтений) акторов было открытым и его завершение в чью-либо пользу свидетельствовало о том, что в данном отношении актор успешно реализует свою власть, а оппоненты вынуждены подчиниться и принять данную ситуацию, которая безусловно не отражала их политических предпочтений. Элитисты уделяли больше внимания скрытым механизмам и практикам реализации воли властвующим групп (элиты); но в их объяснениях подразумевалось расхождение интересов элиты и иных субъектов городской политики и та или иная степень конфликта между ними. При этом элитисты были более склонны учитывать в качестве результата власти и ненамеренные следствия взаимодействия акторов³⁵.

После работ П. Бахраха и М. Бараца³⁶ и С. Лукса³⁷ в эмпирических исследованиях стали использоваться и более широкие концепции конфликта интересов, которые уже не ограничивались открытым и четко осознаваемым конфликтом предпочтений, а включали «скрытый конфликт» (конфликт осознается обеими сторонами, но публично не артикулируется) и «латентный конфликт» (конфликт объективных интересов, который может и не осознаваться)³⁸. В это же время получают распространение и марксистские исследования власти, в которых конфликт интересов (а не только предпочтений) считался само собой разумеющимся, а разрыв в благосостоянии между имущими классами и остальным населением воспринимался в качестве едва ли не главного свидетельства осуществления власти.

Однако отнюдь не все исследователи признали целесообразным расширение пространства власти путем включения ситуаций, где видимый конфликт между сторонами отсутствует. Особенно жесткой критике эти подходы подверглись со стороны плюралистов³⁹.

³³Ледяев, В.Г. Власть: концептуальный анализ/ В.Г. Ледяев. – М.: РОССПЭН. – 2001. – С. 133-155; 182-211.

³⁴Например, У. Форм подчеркивает, что власть предполагает *целенаправленное действие* по изменению системы (см.: Form, W.H. Critique / An Essay by Arthur J. Field with Critique by William D'Antonio, William Form, Howard J. Ehrlich, James A. Geschwender/ W.H. Form. – N.Y.: Schenkman Publishing Company. – 1970. – P. 28. Многие исследователи считают, что именно наличие определенных намерений у субъекта в отношении объекта отличает власть от влияния, которое может быть и ненамеренным (см.: Wrong, D.H. Power. It's Forms, Bases, and Uses. With a new introduction by the author. 3rd ed./ D.H. Wrong. – New Brunswick and L.: Transaction Publishers. – 2002. – P. 3-5).

³⁵Parry, G. Political Elites/ G. Parry. – L.: Allen and Unwin. – 1970. – P. 133-134.

³⁶Bachrach, P. and Baratz, M.S. Two faces of power / P. Bachrach, M.S. Baratz // American Political Science Review. – 1962. – Vol. 56. – № 4. – P. 947-952; Bachrach, P., Baratz, M.S. Decisions and nondecisions: an analytical framework/ P. Bachrach, M.S. Baratz // American Political Science Review. – 1963. – Vol. 57. – № 3. – P. 641-651.

³⁷Lukes, S. Power: A Radical View/ S. Lukes. – L.: Macmillan. – 1974.

³⁸Crenson, M.A. The Un-Politics of Air Pollution: A Study of Non-Decision-Making in the Cities/ M.A. Crenson. – Baltimore: Johns Hopkins Press. – 1971; Gaventa, J. Power and Powerlessness: Quiescence and rebellion in an Appalachian Valley/ J. Gaventa. – Urbana: University of Illinois Press. – 1980. В этих концепциях уже наличие конфликта интересов (а не интенций) субъекта отличает власть от влияния.

³⁹Polsby, N. Community Power and Political Theory. 2nd ed. / N. Polsby. – New Haven: Yale University Press. – 1980.

Акцент в «ранней» критике многомерных концепций ставился на трудностях их операционализации и определении критериев идентификации «не-действий», «объективных» интересов и «структурных преимуществ». Отмечалось также, что попытки их обнаружения неизбежно приведут к тому, что «ценности или теоретические ориентации исследователя будут влиять на его анализ»⁴⁰. Современные аналитики⁴¹ также обращают внимание и на ряд других трудностей и проблем, неизбежно сопровождающих подобного рода концепции. В частности, было указано на так называемую «ошибку обвинения» (blame fallacy), которая совершается в тех случаях, когда любое действие объекта, идущее вразрез с его интересами, объясняется наличием чьей-то власти. Собственно ошибка состоит в том, что во многих случаях неспособность объекта реализовать свои интересы имеет причину в нем самом, а не во внешнем факторе. В данной ситуации многие предпочитают говорить об удаче этих групп, извлекающих выгоду из неспособности объекта преодолеть проблемы коллективного действия, а не о власти⁴².

Многомерные концепции власти так и не стали доминировать в изучении городской политики; исследователи все же предпочитали анализировать более очевидные (измеряемые) манифестации власти. Тем не менее? некоторые известные элитисты (например, Т. Дай) приняли логику «непринятия решений», учтя ее в своих теоретических построениях, а сама идея поиска скрытых форм власти и тонких манипулятивных механизмов, находящихся за пределами формального процесса принятия решений, остается в числе приоритетных направлений развития данной отрасли политической науки и социологии.

Разумеется, некоторые конкретные подходы к изучению власти в городских сообществах не вполне соответствуют обозначенной традиции и доминирующим тенденциям в концептуализации власти. Например, П. Мотт полагает, что вектор власти не обязательно направлен (по определению) против воли объекта, как подразумевает большинство исследователей. В данном аспекте он согласен с Т. Парсонсом в том, что власть «также может быть использована для реализации коллективных интересов»⁴³. У Стоуна, как мы увидим далее, концепция власти в ряде аспектов (прежде всего в приоритете «власти для») скорее примыкает к альтернативной традиции, а Д. Миллер⁴⁴ использовал понятие власти и для характеристики взаимоотношений между конкретными субъектами и объектами, и для обозначения потенциала влияния тех или иных институтов и структур. При этом рассмотренные проблемы, разумеется, не исчерпывают спектр дискуссионных вопросов в понятийном анализе власти. В частности, обращается внимание на важность концептуальной рефлексии «*правления предвиденных реакций*»⁴⁵, которое большинством исследователей рассматривается в качестве важной формы власти⁴⁶. С «*правлением предвиденных реакций*» связана и другая важная проблема, требующая уточнения соотношения *прямого и косвенного влияния во власти*. Как

⁴⁰Clark, T.N. The concept of power: some overemphasized and underrecognized dimensions – an examination with special reference to the local community / Community Politics. A Behavioral Approach / T.N. Clark; ed. by Ch.M. Bonjean, T.N. Clark, R.L. Lineberry. – N.Y.: The Free Press. – 1971.

⁴¹Dowding, K.M. Rational Choice and Political Power/ K.M. Dowding. – Aldershot: Edward Elgar. – 1991. – P. 89; Dowding, K., Dunleavy, P., King, D., Margetts, H. Rational Choice and Community Power Structures/ K. Dowding, P. Dunleavy, D. King, H. Margetts // Political Studies. – 1995. – Vol. 43. – № 2. – P. 267.

⁴²Barry, B. Is it better to be powerful or lucky? / Democracy, Power and Justice. Essays in Political Theory / B. Barry; ed. by B. Barry. – Oxford: Clarendon Press. – 1989. – P. 270-302.

⁴³Mott, P.E. Power, authority, and influence /The Structure of Power/ P.E. Mott; ed. by M. Aiken, P.E. Mott. – N.Y.: Random House. – 1970. – P. 8.

⁴⁴Miller, D.C. International Community Power Structure. Comparative Studies of Four World Cities/ D.C. Miller. – Bloomington; L.: Indiana University Press. – 1970.

⁴⁵Термин «*правление предвиденных реакций*» (the rule of anticipated reactions) введен в научный оборот К. Фридрихом для обозначения тех случаев осуществления власти, где объект действует в соответствии с предлагаемыми намерениями субъекта, предвидя его реакции (Friedrich, C. Constitutional Government and Politics/ C. Friedrich. – N.Y.: Harper and Brothers. – 1937. – P. 16-18).

учесть влияние посредников и представителей тех или иных акторов (структур) и, самое главное, как учесть влияние самих акторов (структур)? Наконец, важным в концептуальном плане является вопрос о соотношении асимметрии во власти и обратного влияния объекта на субъект: во многих ситуациях трудно четко зафиксировать, кто на кого влияет. Различные подходы к решению этих и других проблем формируют сложную палитру концептуальных схем, используемых в эмпирических исследованиях⁴⁷.

В настоящее время в центре концептуальных дискуссий, ведущихся между исследователями власти в городских сообществах оказался вопрос о соотношении «власти над» и «власти для» в образовании и функционировании городских режимов⁴⁸. Еще в 1980-е гг. Стоун предложил расширить концепцию власти, включив в нее некоторые новые аналитические конструкты. Опираясь на логику «многомерных концепций власти», Стоун рассматривал власть как сложное взаимодействие нескольких тесно взаимосвязанных видов социальных отношений. Он подчеркнул, что для многих исследователей власть символизировала лишь один из видов отношений, связанных с возможностью одних индивидов и групп осуществлять контроль над другими индивидами и группами. Однако объяснение власти, ограниченное рамками «парадигмы социального контроля» Стоуну представлялось не вполне адекватным, поскольку оно упускало из виду некоторые ее важные проявления. Еще до своего исследования в Атланте Стоун обратился к анализу концептуальных проблем власти⁴⁹, обратив внимание на необходимость учета не только «командной власти», но и других ее форм – «договорной власти» (*bargaining power*), «интеркурсивной власти» (*intercursive power*)⁵⁰ и «экологической власти» (*ecological power*)⁵¹. Позднее он предложил схему, в которой выделя-

⁴⁶Против учета «правления предвиденных реакций» фактически выступали только ранние плюралисты, твердо придерживавшиеся принципа четкой эмпирической фиксации каузальной связи между субъектом и объектом.

⁴⁷Clark, T.N. The concept of power: some overemphasized and underrecognized dimensions – an examination with special reference to the local community / Community Politics. A Behavioral Approach / T.N. Clark; ed. by Ch.M. Bonjean, T.N. Clark, R.L. Lineberry. – N.Y.: The Free Press. – 1971. – P. 26-35.

⁴⁸Некоторые исследователи выделяют и «власть вместе с» (*power with*), характеризующую «как коалиции мобилизуются из отдельных групп интересов, государственных структур и индивидов» (McFarland, A.S. Comment: power – over, to, and with/ A.S. McFarland // City and Community. – 2006. – Vol. 5. – № 1. – P. 39-41). Однако данная идея не получила широкой поддержки среди аналитиков и исследователей.

⁴⁹Stone, C.N. Systemic power in community decision making: a restatement of stratification theory/ C.N. Stone // American Political Science Review. – 1980. – Vol. 74. – № 4. – P. 978-990; Stone, C.N. The elite view / Community Power: Directions for Future Research / C.N. Stone; ed. by R.J. Waste. – Beverly Hills: Sage Publications. – 1986. – P. 77-113.

⁵⁰Концепция интеркурсивной власти была предложена Д. Ронгом, который противопоставлял данную форму власти «интегральной власти» (*integral power*). Интегральная власть имеет место в тех ситуациях, когда принятие решений и инициатива действия централизованы и монополизированы в руках одного субъекта, а интеркурсивная власть – когда власть каждого из субъектов социального отношения уравновешивается властью другого субъекта; в этом случае имеет место процедура переговоров или совместного принятия решений по вопросам, имеющим взаимный интерес. Примером интеркурсивной системы власти является описанный Д. Рисменом баланс вето групп, в котором каждая из групп может воспрепятствовать действиям других групп, способных нанести вред ее интересам. Идеи интеркурсивной власти лежали в основании различных версий плюрализма (см.: Wrong, D.H. Power. It's Forms, Bases, and Uses. With a new introduction by the author. 3rd ed./ D.H. Wrong. – New Brunswick and L.: Transaction Publishers. – 2002. – P. 11; Riesman, D., Glazer, N., Denney, R. The Lonely Crowd/ D. Riesman, N. Glazer, R. Denney. – New Haven: Yale University Press. – 1950. – P. 244-255).

⁵¹Изначально Стоун использовал термин «системная власть» (*systemic power*) – «измерение (dimension) власти, в котором устойчивые характеристики социально-экономической системы (*ситуационный элемент*) создают преимущества или неблагоприятные условия для групп (*межгрупповой элемент*) и тем самым побуждают носителей публичной власти создавать преимущества одним группам интересов за счет других (*косвенный элемент*) (курсив оригинала. – В.Л.) (Stone, C.N. Systemic power in community decision making: a restatement of stratification theory/ C.N. Stone // American Political Science Review. – 1980. – Vol. 74. – № 4. – P. 980). Однако позднее он посчитал свое объяснение данной формы власти не вполне адекватным, поскольку оно не раскрывало механизм реализации системных преимуществ акторов, тогда как в концепции

ется три измерения власти, имеющие некоторые очевидные сходства с многомерной концепцией Лукса⁵² и его последователей:

1. *Командная власть* имеет место в случаях открытого конфликта, где властные отношения асимметричны и один из акторов явно доминирует над другими. Если акторы находятся в состоянии открытого конфликта, но не имеют достаточных ресурсов для доминирования, то в этом случае они могут начать торг. В данном измерении власти соотношение между доминированием и торгом обусловлено степенью асимметрии (односторонности) властных отношений.

2. *Интеркурсивная власть* связана с формированием коалиций. Акторы с взаимодополняющими типами ресурсов и/или обладающие командной властью в своих сферах вступают в переговоры для выработки условий кооперации. Кооперация позволяет им достичь целей, которые они не могут достичь самостоятельно. «Интеркурсивная власть – это способствующая (*enabling*) власть – «власть для»; она отличается от доминирующей власти или «власти над», представленной командной властью»⁵³.

3. *Экологическая власть* означает способность субъекта обеспечить сохранение благоприятных институциональных правил социального взаимодействия. В некотором смысле она представляет собой «амальгаму» указанных выше форм власти, возникая на основе обладания ресурсами и участия в коалиции, т.е. опираясь на командную и интеркурсивную власть. Понятие экологической власти выражает возможность «формировать контекст» и «вносить изменения в социальное окружение»⁵⁴.

Выделение этих трех форм (проекций, измерений) власти позволяет Стоуну, с одной стороны, показать недостатки традиционного подхода («социальный контроль») к исследованию власти. С другой стороны, оно закладывает концептуальные основания для использования иной «парадигмы власти» («социальное производство») и дает возможность продемонстрировать, как эти два ракурса (подхода) пересекаются в изучении городской политики. «Политика, подчеркивает Стоун, – это нечто большее, чем борьба между господствующими и подчиненными группами»⁵⁵. Наряду с необходимостью доминирования над оппонентами, не менее важную роль в политике играет способность добиваться поставленных целей – «власть для»⁵⁶. Ее значимость обусловлена сложным (комплексным) характером социальных связей, их высокой вариативностью и изменчивостью⁵⁷. В современном фрагментированном мире «проблема состоит в том, как обеспечить уровень кооперации между частями общности, достаточный для решения задач при отсутствии всеобъемлющей структуры власти и

экологической власти этот важный аспект учитывался (Stone, C.N. *The elite view / Community Power: Directions for Future Research* / C.N. Stone; ed. by R.J. Waste. – Beverly Hills: Sage Publications. – 1986. – P. 78-79).

⁵²Lukes, S. *Power: A Radical View* / S. Lukes. – L.: Macmillan. – 1974.

⁵³См.: Stone, C.N. *The elite view / Community Power: Directions for Future Research* / C.N. Stone; ed. by R.J. Waste. – Beverly Hills: Sage Publications. – 1986. – P. 78-79. В более поздних работах, в том числе в его монографии, содержащей изложение результатов исследования в Атланте (Stone, C.N. *Regime Politics: Governing Atlanta, 1946-1988* / C.N. Stone. – Lawrence: University Press of Kansas. – 1989) и в статьях, специально посвященных концептуальным основаниям его теории (см.: Stone, C.N. *Power, reform and urban regime analysis* / C.N. Stone // *City and Community*. – 2006. – Vol. 5. – № 1. – P. 23-38). Стоун практически не использует термин «интеркурсивная власть», предпочитая «власть для» и/или «модель социального производства».

⁵⁴Stone, C.N. *The elite view / Community Power: Directions for Future Research* / C.N. Stone; ed. by R.J. Waste. – Beverly Hills: Sage Publications. – 1986. – P. 84.

⁵⁵Stone, C.N. *Power, reform and urban regime analysis* / C.N. Stone // *City and Community*. – 2006. – Vol. 5. – № 1. – P. – 24)

⁵⁶Stone, C.N. *Regime Politics: Governing Atlanta, 1946-1988* / C.N. Stone. – Lawrence: University Press of Kansas. – 1989. – P. 229.

⁵⁷Здесь Стоун опирается на Ч. Тилли (Tilly, C. *Big Structures, Large Processes, Huge Comparisons* / C. Tilly. – N.Y.: Russell Sage Foundation. – 1984), выступившего против рассмотрения современного общества как единого цельного механизма.

единой идеологии»⁵⁸. Отдельные акторы понимают ограниченность своих возможностей и только вместе с другими акторами они могут реализовать свои цели; при этом роль «власти для» особенно значима для формирования прогрессивных режимов, часто противостоящих акторам с большими экономическими ресурсами. Однако создание и поддержание коалиций и совместной деятельности в нужном направлении часто довольно затруднительно; поэтому в концепции Стоуна способность обеспечить координацию усилий («интеркурсивная власть») выходит на передний план⁵⁹.

Фокус на «власти для» не только корректирует и расширяет проблематику исследования, но и расставляет новые акценты в изучении городской политики, обуславливая несколько иные интерпретации ряда традиционных проблем. Подчинение и легитимация уже не являются центральными темами в анализе власти; «более значимым становится вопрос о том, кто может обеспечить координацию усилий нескольких акторов, занимающих стратегические позиции»⁶⁰. Изменяется и понимание оппозиции режиму: бросающая ему вызов группа становится реальной оппозицией лишь тогда, когда она оказывается способной не только сопротивляться подчинению, но и обладать поддержкой, обеспечивающей стабильные и надежные основания управления. Борьба против режима – это прежде всего «реструктурирование отношений между людьми и группами и формирование новых направлений кооперации между ними». Обычной мобилизации недовольства недостаточно: «оппозиция может заменить одну правящую коалицию другой только в том случае, если новая коалиция будет обладать способностью править»⁶¹.

Другим становится и объяснение характера отношений между акторами городской политики. В концепции городских режимов отношения между экономическими и политическими элитами изначально предполагаются менее асимметричными и более «кооперативными», чем в более ранних исследованиях. «Участники не ведут себя так, будто имеет место разделение между господствующим меньшинством и большинством, доминируемым в условиях интегрированной системы контроля. Напротив, они действуют как в ситуации, где существует угроза управлению». Поэтому перед ними встают следующие вопросы: «Как найти необходимые ресурсы? Что может обеспечить эффективную кооперацию акторов? На чем базируется поддержка режима?» Наиболее желательными союзниками очевидно являются те группы, которые организованы, контролируют значительные ресурсы и могут быть вовлечены во взаимозависимую систему кооперации. Поэтому класс инвесторов и является таким привлекательным политическим союзником, особенно на локальном уровне, где властные полномочия местных властей ограничены.

Наконец, концепция «власти для» иначе (по сравнению с концепцией «власти над») ставит вопрос о месте и роли интенций акторов городской политики во властном отношении. Если в традиционных трактовках власти подразумевается, что интенции субъекта и объекта четко определены и, как минимум, не совпадают, а конфликт предпочтений (интересов) субъекта и объекта рассматривается в качестве обязательного признака власти («власти над»), то в концепции городских режимов интенции акторов оказываются значительно более флексибельными. Они изменяются вместе с накоплением опыта, вступлением в новые отношения,

⁵⁸Stone, C.N. *Regime Politics: Governing Atlanta, 1946-1988*/ C.N. Stone. – Lawrence: University Press of Kansas. – 1989. – P. 227.

⁵⁹Следует отметить, что при внешнем сходстве концепция власти («власти для») у Стоуна и других исследователей городских режимов отличается от концепции Парсонса и его последователей, которую также нередко обозначают как «власть для». У Парсонса акцент в понимании власти ставился на ее легитимной символической природе и ориентации на реализацию коллективных целей. У Стоуна же главное заключается в том, что субъект обладает способностью реализовать свои цели; при этом, как мы увидим далее, Стоун не отказывается от «власти над», а рассматривает ее как действующую вместе с «властью для».

⁶⁰Stone, C.N. *Regime Politics: Governing Atlanta, 1946-1988*/ C.N. Stone. – Lawrence: University Press of Kansas. – 1989. – P. 230.

⁶¹*Ibid.* P. 227-229.

открывающимися возможностями и ограничениями деятельности акторов⁶². Преференции корректируются в процессе согласования коллективных целей и осознания необходимости уступок ради поддержания режима; при этом участие в коалиции налагает на ее членов взаимную ответственность воздерживаться от тех видов деятельности, которые наносят вред другим участникам или коалиции в целом. «Связи с другими акторами формируют интенции и могут изменять интенции не одного, а обоих субъектов социального взаимодействия (и других связанных с ними акторов)». Таким образом, во «власти для» имеет место не столько навязывание воли и манипуляция сознанием объекта с целью снижения его сопротивления, сколько доминирование «одной коллективной возможности действия над другой»⁶³.

Однако кооперация акторов и их стремление обрести способность реализовывать свои цели через совместную деятельность («власть для») не элиминируют иерархический аспект отношений между ними («власть над»). Стоун подчеркивает, что «власть над» и «власть для» нельзя рассматривать как совершенно разные явления, поскольку «они не существуют отдельно друг от друга». Описанный Стоуном режим в Атланте имел очевидный классовый уклон; другие стабильные режимы также демонстрируют самые разнообразные проявления «власти над»⁶⁴. Другие исследователи также обращают внимание на необходимость использования обеих концепций для характеристики городских режимов. При этом некоторые из них полагают, что акцент Стоуна на «модели социального производства» приводит к недооценке роли конфликта интересов между элитами различных секторов. На это, в частности, указывает Р. Гендрон, уделивший специальное внимание изучению взаимодействия «власти для» и «власти над» в городской политике г. Санта-Круз (штат Калифорния, США)⁶⁵. Гендрон обнаружил, что консенсус между политической элитой и элитой бизнеса был в значительной степени внешним («фальшивым»), скрывающим подковерные маневры, направленные на сохранение власти, а не на ее совместное использование. Партнерство с самого начала создавалось и контролировалось политическими лидерами, не стремившимися к его институционализации и усилению политического влияния бизнеса в городе. Между элитами был очевидный конфликт интересов, который так и не был преодолен в процессе деятельности коалиции⁶⁶. Для более адекватного объяснения власти Гендрон предлагает рассмотреть «каким образом «власть над» может использоваться в качестве позитивной трансформационной силы», о чем ранее писал Т. Вартенберг⁶⁷. Кроме того, он подчеркивает необходимость «переключить аналитический фокус с препятствий формированию коллективных управлен-

⁶²В своем исследовании в Атланте Стоун показал, что акторы склонны приспосабливаться к существующим обстоятельствам и ориентироваться на те стратегии, которые реальны и достижимы. В этой связи наиболее показательной является переориентация лидера прогрессивной коалиции мэра Мейнарда Джексона на кооперацию с бизнесом по мере осознания невозможности осуществления изначальных целей.

⁶³См.: Stone, C.N. Power, reform and urban regime analysis/ C.N. Stone // *City and Community*. – 2006. – Vol. 5. – № 1. – P. 26-27, 29. Не все исследователи посчитали убедительными рассуждения Стоуна об иной природе интенций во «власти над». В частности, У. Домхофф полагает, что у основных акторов городской политики – влиятельных коалиций роста и их оппонентов в лице территориальных организаций граждан – имеют место сравнительно устойчивые преференции (Domhoff, G.W. The limitations of regime theory/ G.W. Domhoff// *City and Community*. – 2006. – Vol. 5. – № 1. – P. 47-51).

⁶⁴См.: Stone, C.N. Power, reform and urban regime analysis/ C.N. Stone // *City and Community*. – 2006. – Vol. 5. – № 1. – P. 28; Gendron, R. Forging collective capacity for urban redevelopment: «power to», «power over», or both?/ R. Gendron// *City and Community*. – 2006. – Vol. 5. – № 1. – P. 7-8. Например, режим в Чикаго в период нахождения у власти мэра Ричарда Дейли жестко защищал интересы определенных групп, при необходимости используя санкции против тех, кто «шел не в ногу» (Stone, C.N. Power, reform and urban regime analysis/ C.N. Stone // *City and Community*. – 2006. – Vol. 5. – № 1. – P. 28).

⁶⁵См.: Gendron, R. Forging collective capacity for urban redevelopment: «power to», «power over», or both?/ R. Gendron// *City and Community*. – 2006. – Vol. 5. – № 1. – P. 5-22. Предметом исследования стала деятельность режима, ориентированного на реконструкцию центра города после землетрясения 1989 г.

⁶⁶Ibid. P. 8, 18-19.

⁶⁷Ibid. P. 20; Wartenberg, T. The Forms of Power: From Domination to Transformation/ T. Wartenberg. – Philadelphia: Temple University Press. – 1990.

ческих практик на возможности преодоления дисбаланса ресурсов в существующей системе государственных и рыночных отношений»⁶⁸.

Еще более критично к концептуальным предпочтениям Стоуна отнесся У. Домхофф, выступивший фактически против самой идеи различения «модели контроля» и «модели социального производства». Его основной аргумент: отношения «власти для» и «власти над» имеют место *постоянно*⁶⁹. Здесь он ссылается М. Манна, который, по его мнению, предложил более адекватное объяснение взаимоотношений между этими ракурсами власти: «Конечно, отношения между ними являются диалектическими. Для достижения своих целей люди вступают в кооперативные коллективные властные отношения друг с другом. Но для воплощения коллективных целей устанавливаются социальная организация и разделение труда. Организация и разделение функций закладывают тенденцию к дистрибутивной власти, вытекающей из руководства и координации. Поэтому разделение труда обманчиво: хотя оно предполагает специализацию функций на всех уровнях, руководство контролирует и направляет остальных. Те, кто занимают руководящие и координирующие позиции, имеют огромное превосходство над другими»⁷⁰.

Также как и Гендрон, Домхофф полагает, что Стоун недооценивает «власть над», которая обычно возникает во взаимоотношениях между коалициями роста и их оппонентами. Само возникновение прогрессивных режимов, отмечает Домхофф, практически невозможно без активного противодействия коалициям роста. Противники роста, как показывают исследования, сталкиваются с различными формами влияния («власти над») «элит роста», которые не идут на уступки при отсутствии серьезного сопротивления. Явная доминация коалиций роста часто наблюдается в городах, где группы с низкими доходами не обладают достаточными ресурсами, чтобы быть привлекательными партнерами. Данная ситуация в значительной степени предопределяется противоречием между группами, ориентирующимися на извлечение прибыли и рост товарной стоимости городских объектов (коалиции роста), и теми, кто заинтересован в повышении потребительной стоимости городского пространства (прогрессивные коалиции)⁷¹.

В реальности обе модели – социального контроля («над») и социального производства («для») сосуществуют. Поэтому проблема заключается в том, какая из них превалирует в общей конфигурации властных отношений. Удачной иллюстрацией этого стали результаты исследования городских режимов в Чикаго и Питтсбурге, проведенного Барбарой Ферман. Исследование показало, что в Чикаго преобладала модель контроля («над»), поскольку основанием режима была электоральная арена, где превалировала логика борьбы и доминирования, тогда как в Питтсбурге более важную роль играли кооперативные отношения («для»), опирающиеся на логику сотрудничества, характерную для гражданской арены, выступавшей основанием режима⁷².

⁶⁸Gendron, R. Forging collective capacity for urban redevelopment: «power to», «power over», or both?/ R. Gendron// City and Community. – 2006. – Vol. 5. – № 1. – P. 20.

⁶⁹Domhoff, G.W. The limitations of regime theory/ G.W. Domhoff// City and Community. – 2006. – Vol. 5. – № 1. – P. 48, 50.

⁷⁰Mann, M. The Sources of Social Power. Vol. 1: A History of Power from the Beginning to A.D. 1760/ M. Mann. – N.Y.: Cambridge University Press. – 1986. – P. 6-7; Domhoff, G.W. The limitations of regime theory/ G.W. Domhoff. – City and Community. – 2006. – Vol. 5. – № 1. – P. 48.

⁷¹См.: Domhoff, G.W. The limitations of regime theory/ G.W. Domhoff. – City and Community. – 2006. – Vol. 5. – № 1. – P. 50-51. На недооценку Стоуном структурных оснований конфликта и «власти над» указывают и некоторые другие исследователи. См. напр.: Nichols, W.J. Power and governance: metropolitan governance in France/ W.J. Nichols // Urban Studies. – 2005. – Vol. 42. – № 4. – P. 783-800.

⁷²См.: Ferman, B. Challenging the Growth Machine. Neighbourhood Politics in Chicago and Pittsburg/ B. Ferman. – Lawrence: University Press of Kansas. – 1996. Подробнее об этом см.: Ледяев, В.Г. Социология власти: исследование Барбары Ферман в Чикаго и Питтсбурге Российские властные институты и элиты в трансформации / В.Г. Ледяев; под ред. А.В. Дуки. – Санкт-Петербург: Интерсоцис. – 2011. – С. 72-99.

Таким образом, в эмпирических исследованиях власти в городских сообществах использовался широкий набор концепций власти, отражавший многообразие теоретико-методологических ориентаций исследователей. Занимая центральное место в понятийной структуре, концепция власти во многом определяла содержание других ее элементов (понятий) (лидерство, господство, режим, контроль, решения, ресурсы власти и др.), связей между ними и, как мы увидим далее, специфику методов изучения власти и объяснения ее распределения в городских сообществах.